

· БОРИС ·
АКУНИН

ГРИГОРИЙ
ЧХАРТИШВИЛИ



КЛАДБИЩЕНСКИЕ
ИСТОРИИ



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
А44

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателей запрещается.

Серия «Новые жанры Бориса Акунина»

Оформление — Василий Половцев

А44 **Акунин, Борис.** Кладбищенские истории: [роман] /Борис Акунин. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 288 с. — (Новые жанры Бориса Акунина.)

ISBN 978-5-17-139106-5

«Кладбищенские истории» — плод коллективного творчества, равноправного соавторства двух писателей, реального и выдуманного. Эссе, Григория Чхартишвили посвящены шести самым знаменитым некрополям мира. Действие беллетристических детективных новелл Бориса Акунина происходит на тех же кладбищах. Читателю предлагается увлекательная игра, затеянная «доктором Джекиллом и мистером Хайдом» современной русской литературы.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© В.Акунин / Г.Чхартишвили.Текст, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

РАЗЪЯСНЕНИЕ

Я писал эту книгу долго, по одному-два кусочка в год. Не такая это тема, чтобы суетиться, да и потом было ощущение, что это не просто книга, а некий путь, который мне нужно пройти, и тут вприпрыжку скакать негоже – можно с разбегу пропустить поворот и сбиться с дороги. Иногда я чувствовал, что пора остановиться, дождаться следующего сигнала, зовущего дальше.

Дорога эта оказалась длиной в целых пять лет. Началась от стены старого московского кладбища и увела меня очень-очень далеко. За это время многое изменилось, «и сам, подвластный общему закону, переменился я» – раздвоился на резонера Григория Чхартишвили и массовика-затейника Бориса Акунина, так что книжку дописывали уже вдвоем: первый занимался эссеистическими фрагментами, второй беллетристическими. Еще я узнал, что я *тафофил*, «любитель кладбищ» – оказывается, существует на свете такое экзотическое хобби (а у некоторых

Григорий Чхартишвили

и мания). Но таффилом меня можно назвать лишь условно – я не коллекционировал кладбища и могилы, меня занимала Тайна Прошедшего Времени: куда оно девается и что происходит с людьми, его населявшими?

Знаете, что кажется мне самым интригующим в обитателях Москвы, Лондона, Парижа, Амстердама и тем более Рима или Иерусалима? То, что большинство из них умерли. Про ньюйоркцев или токийцев такого не скажешь, потому что города, в которых они живут, слишком молоды.

Если представить себе жителей действительно старого города за всю историю его существования как одну огромную толпу и взглядеться в это море голов, окажется, что пустые глазницы и выбеленные временем черепа преобладают над живыми лицами. Обыватели городов с прошлым живут, со всех сторон окруженные мертвецами.

Нет, я вовсе не считаю старые мегаполисы городами-призраками. Они вполне живы, суетны и искрятся энергией. Речь о другом.

С некоторых пор я стал чувствовать, что люди, которые жили раньше нас, никуда не делись. Они остались там же, где были, просто мы с ними существуем в разных временных измерениях. Мы ходим по одним и тем же улицам, невидимые друг для друга. Мы проходим сквозь них, а за стеклянными фасадами новомодных строений мне видны очертания некогда стоявших здесь домов: классические фронтоны и наивные мезонины, чванные ажурные ворота и полосатые шлагбаумы.

Разъяснение

Всё, что когда-то было, и все, кто когда-то жил, остаются навсегда.

Вам не случилось увидеть где-нибудь в густой толпе на Кузнецком Мосту или на Никольской невесть откуда взявшийся и тут же растаявший силуэт в шляпе-веллингтоне и плаще-альмавиве? А прозрачный девичий профиль в чепце с лентами-мантоньерками? Нет? Значит, вы еще не научились видеть Москву по-настоящему.

Старинные города – это совсем не то, что города новые, которым каких-нибудь сто или двести лет. В большом и древнем городе родились, любили, ненавидели, страдали и радовались, а потом умерли так много людей, что весь этот океан нервной и духовной энергии не мог взять и исчезнуть бесследно.

Перефразируя Бродского, рассуждавшего об античности, можно сказать, что предки для нас существуют, мы же для них – нет, потому что мы про них кое-что знаем, а они про нас равным счетом ничего. Они от нас не зависят. И городу, в котором они жили, тоже не было до нас, нынешних, никакого дела. Поэтому чем старше город, тем меньше обращает он внимания на своих теперешних обитателей – именно потому, что они в меньшинстве. Нам, живым, трудно удивить такой город; он видел и других, таких же смелых, предприимчивых, талантливых, а может быть, те, умершие, были качеством и лучше.

Григорий Чхартишвили

Нью-Йорк существует в том же ритме, что сегодняшние ньюйоркцы, он их современник, напарник и поделник. А вот Рим или Париж с равнодушной снисходительностью взирают на тех, кто развесил по старым стенам рекламы «Нескафе» и стирального порошка «Ариэль». Старинный Город знает: прокатится волна времени и смоеет с улиц всю эту мишуру. Вместо шустрых человечков в джинсах и пестрых майках здесь будут разгуливать другие, одетые по-другому, да и нынешние тоже никуда не денутся – лишь переселятся из одних кварталов в другие, подземные. Полежат там несколько десятилетий, а потом сольются с почвой и окончательно станут безраздельной собственностью Города.

Кладбища в мегаполисах обычно живут недолго: ровно столько, сколько нужно, чтобы заполнить могилами выделенную под погост территорию, да еще полсотни лет, пока не вымрут те, кто приходил сюда ухаживать за надгробьями. Через каких-нибудь сто-полтораста лет поверх костей нарастет слой земли, на ней раскинутся площади или встанут дома, а на окраинах расширившегося Города появятся новые некрополи.

Мертвецы – наши соседи и сожители. Мы ходим по их костям, пользуемся выстроенными для них домами, разгуливаем под сенью посаженных ими деревьев. Мы и наши мертвые не мешаем друг другу.

Разъяснение

Под Парижем несколько лет назад было обнаружено целое царство кадавров – катакомбы, где лежат миллионы и миллионы прежних парижан, чьи останки были некогда перенесены туда с городских кладбищ. Любой может доехать до станции Данфер-Рошро, спуститься в подземелье и обозреть бескрайние ряды черепов, представить собственный где-нибудь в уголочке, в семнадцатом ряду сто шестьдесят восьмым слева и, возможно, внести некоторую корректировку в масштабирование своей личности.

Но возможность заглянуть в земные недра, где поселились жившие прежде нас, – это редкость. Парижанам, можно сказать, повезло. Чаще местом встречи с предшественниками для нас становятся чудом сохранившиеся старые кладбища, островки сгустившегося и застоявшегося времени, где давно уже никого не хоронят. Последнее условие обязательно, потому что разрытая земля и свежее горе пахнут не вечностью, а смертью. Этот запах слишком резок, он помешает вам уловить хрупкий аромат другого времени.

Если хотите понять и почувствовать Москву, погуляйте по Старому Донскому кладбищу. В Париже проведите полдня на Пер-Лашез. В Лондоне съездите на Хайгейтское кладбище. Даже в Нью-Йорке есть территория остановившегося времени – бруклинский Грин-Вуд.

Если день, погода и ваше душевное состояние окажутся в гармонии с антуражем, вы ощути-

Григорий Чхартишвили

те себя частицей того, что было прежде, и того, что будет потом. И, может быть, услышите голос, который шепнет вам: «Рождение и смерть – это не стены, а двери».

СТАРОЕ ДОНСКОЕ КЛАДБИЩЕ (МОСКВА)



БЫЛ ДА СПЛЫЛ, или ЗАБЫТАЯ СМЕРТЬ



От действующих московских кладбищ меня с души воротит. Они похожи на кровоточащие куски вырванного по живому мяса. Туда подъезжают автобусы с черными полосами по борту, там слишком тихо говорят и слишком громко плачут, а в крематорском конвейерном цехе четыре раза в час завывает хоральный прелюд, и казенная дама в траурном платье говорит поставленным голосом: «Подходим по одному, прощаемся».

Если вас без дела, из одной любознательности, занесло на Николо-Архангельское, Востря-

Григорий Чхартишвили

ковское или Хованское, уходите оттуда не оглядываясь – не то испугаетесь бескрайних, до горизонта пустырей, утыканных серыми и черными камнями, задохнетесь от особенного жирного воздуха, оглохнете от звенящей тишины, и вам захочется жить вечно, жить любой ценой, лишь бы не лежать кучкой пепла в хрущобе колумбария или распадаться на белки, жиры и углеводы под цветником ноль семь на один и восемь.

Новые кладбища ничего вам не объяснят про жизнь и смерть, только собьют с толку, запугают и запутают. Ну их, пусть чавкают своими гранитно-бетонными челюстями за кольцевой автострадой, а мы с вами лучше отправимся в Земляной город, на Старое Донское кладбище, ибо, по-моему, во всем нашем красивом и таинственном городе нет места более красивого и более таинственного.

Старое Донское совсем не похоже на современных гигантов похоронной индустрии: там асфальт, а здесь засыпанные листьями дорожки; там пыльная трава, а здесь рябины и вербы; там бетонная плита с надписью «Наточка, доченька, на кого ты нас покинула», а здесь мраморный ангел с раскрытой книгой, и в книге сказано: «Блаженни плачущие, яко тии утешатся».

Только не забредите по ошибке на Новое Донское, расположенное рядом, за красной зубчатой стеной. Оно поманит вас луковками церкви, но это волк в овечьей шкуре – перелицованный Крематорий № 1. А у ворот вас улыбчиво

Старое Донское кладбище



Блаженни плачущие

встретит каменный Сергей Андреевич Муромцев, председатель Первой Государственной Думы. Не верьте этому счастливому принцу, который, как пчелка, впитал своей жизнью (1850–1910) весь мед недолгого российского европеизма и тихо почил до наступления неприятностей, должно быть, совершенно уверенный в победе русского парламентаризма и постепенном обрастании приятными соседями – приват-доцентами и присяжными поверенными. Увы – вокруг сплошь лауреаты сталинской пре-

Григорий Чхартишвили

мии, комбриги, аэронавты и заслуженные строители РСФСР. Пройдет время, и их надгробья со спутниками, рейсфедерами и звездами тоже станут исторической экзотикой. Но только не для моего поколения.

Нам с вами дальше, в другие ворота, увенчанные высокой колокольней. Москва, которую я люблю, похоронена там. Похоронена, но не мертва.

Впервые я почувствовал, что она жива, в ранней молодости, когда служил в тихом учреждении, расположенном неподалеку от Донского монастыря, и ходил с коллегами на древние могилки пить невкусное, но крепкое вино «Агдам». Мы сживали на деревянной скамеечке, напротив пыльного барельефа с Сергием Радонежским, Пересветом и Ослябей (он все еще там, на стену восстановленного храма Христа Спасителя так и не вернулся), закусывали азербайджанскую цикуту сладкими монастырскими яблоками, и разговор непостижимым образом все выворачивал с последнего альбома группы «Спаркс» (или что мы там тогда слушали?) на Салтычиху и с джинсов «супер-райфл» на Чаадаева.

Петр Яковлевич покоился совсем неподалеку от заветной скамейки. Потомкам его могила сообщала о человеке, который в Риме был бы Брут, а в Афинах Периклес, один-единственный факт: *«Кончил жизнь 1856 года 14 апреля»* — и это наводило на размышления.

Старое Донское кладбище



Что же до Салтычихи, то на ее надгробии время не сохранило ни единого слова и ни единой буквы. Она существовала на самом деле, московская помещица Дарья Николаевна Салтыкова, замучившая до смерти сто крепостных, – вот единственное, что подтверждала могила. Но чудовища не поддаются дефиниции, устройство их души темно и загадочно, и самый уместный памятник монстру – фигура умолчания в виде голого серого обелиска, напоминающего силуэтом загнанный в землю осиновый кол.